

A full-page background image showing a man and a woman walking away from the viewer on a railway track. They are holding hands and walking towards a bright, hazy horizon. The tracks are made of wooden sleepers and metal rails, and the surrounding landscape is desolate and rocky. The overall color palette is dominated by blues and greys, with a bright light source at the horizon.

*Небо над станцией
"Надежда"*

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Небо над станцией "Надежда"

«Автор»

2026

Патрушев С.

Небо над станцией "Надежда" / С. Патрушев — «Автор», 2026

Мир рухнул в одночасье. Утром он пил кофе, собирался на свидание и не верил в новости о войне, а днём небо над Москвой уже затянул ядерный гриб. Двадцатипятилетний Серёга теряет всё: связь, дом, привычную жизнь, но не способен потерять лишь одного человека - свою Аню. Когда её похищают в хаосе первых часов, он совершает то, что система назовёт дезертирством, а сердце — единственным путём. Он спускается в подземный мир метро, ставший убежищем, тюрьмой и последним полем боя, чтобы пройти сквозь огонь, страх, голод и отчаяние. Сквозь мрак тоннелей, где люди делятся на жертв и хищников, он несёт только одно: память о её улыбке. Это история о том, что спасти одного человека иногда важнее, чем спасти весь мир. О том, как любовь становится актом сопротивления, когда всё остальное теряет смысл. И о том, что даже одна пуля, пронзившая два сердца, не в силах их разлучить. Трагическая, светлая и пронзительная сага о верности до последнего вздоха.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Суббота, 10:00	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Небо над станцией "Надежда"

Глава 1. Суббота, 10:00

Пробуждение было мягким, почти невесомым, словно сама реальность неохотно отпускала Серёгу из своих тёплых, вязких объятий. Система климат-контроля, уловив малейшее изменение его сердечного ритма и альфа-активности мозга через сенсоры, вплетённые в наволочку, начала свой утренний ритуал. Сначала она плавно, в течение десяти минут, увеличила интенсивность освещения, имитируя рассвет над Тихим океаном, которого он никогда не видел вживую. Стены спальни, ещё секунду назад бывшие глубокого, успокаивающего оттенка индиго — цвета, рекомендованного его персональным сомнологом для оптимальной выработки мелатонина, — начали теплеть, наполняясь янтарным свечением, переходя в нежный абрикосовый, а затем и в чистейший белый свет, идентичный по спектру утреннему солнцу где-нибудь на Мальдивах. Где-то на периферии сознания мягко запустился протокол "Нежное утро": с потолочных диффузоров, спрятанных за акустическими панелями, донесся едва уловимый, многослойный аромат. Первый слой — свежемолотый кофе, эфиопская "Иргачеффе", с её характерными цитрусовыми нотами. Второй — тёплый круассан, миндальный, маслянистый, с лёгким оттенком ванили. Третий, фоновый — запах скошенной травы и влажной после дождя земли, который он когда-то запрограммировал сам, тоскуя по даче, на которой не был уже лет пять. Запахи были синтезированными, но нейросеть, управлявшая домом, знала его обонятельные предпочтения до мельчайших нюансов, смешивая молекулы в идеальных пропорциях, чтобы вызвать не просто ощущение, а эмоцию, тёплое, щемящее чувство беззаботности.

Серёга потянулся, чувствуя, как умная ткань постельного белья, состоящая из миллионов микроскопических волокон с памятью формы, подстраиваясь под каждое движение его тела, деликатно массирует затекшие за ночь мышцы спины, плеч и шеи. Ткань анализировала точки напряжения и посылала туда мягкие, пульсирующие волны микро-давления, разгоняя кровь и снимая усталость. Он не открывал глаз ещё секунд тридцать, а может, и целую минуту, наслаждаясь этим моментом абсолютного, стерильного, продуманного до мелочей комфорта. В эти мгновения он чувствовал себя не просто человеком, а центром вселенной, вокруг которого вращается самый сложный механизм, созданный для его единоличного блага.

2030 год. Мир, в котором он жил, достиг той точки удивительного равновесия, когда технологии перестали быть чем-то чужеродным, пугающим или требующим постоянного внимания. Они больше не кричали о себе, не выпячивали свою сложность, не требовали обновлений и перезагрузок. Они стали продолжением нервной системы, тихими, услужливыми помощниками, работающими в фоновом режиме, оберегая его покой и предугадывая желания раньше, чем они успевали оформиться в мысль. Можно было просто существовать, просто быть, и мир подстраивался под тебя, как жидкая, умная субстанция. Серёга, двадцатипятилетний архитектор нейросетевых интерфейсов, работающий в одной из ведущих лабораторий "Сколково-Тех", как никто другой понимал, сколько сложнейшего кода, сколько петабайт обучающих данных и сколько гигафлопс вычислительных мощностей стоит за этой иллюзией простоты. Он сам создавал подобные системы, обучал их понимать человеческие эмоции, переводить хаос нейросигналов в стройные, гармоничные действия. Его работа была сродни работе композитора или художника, только вместо красок и нот он использовал массивы данных и нейросетевые

веса. И сегодня, в эту субботу, у него был заслуженный выходной, который он планировал провести с абсолютной пользой для души.

— Эй, дом, хватит, — произнёс он чуть хриплым со сна голосом, обращаясь в пустоту, к невидимым микрофонам, вплетённым в стены. — Я уже понял, что проснулся. Завершай протокол.

Свет мгновенно перестал имитировать робкую зарю и стал просто светом, ровным, чистым, с идеальной цветовой температурой в 4000 кельвинов — нейтрально-белым, бодрящим. Запах кофе и круассанов исчез, уступив место нейтральной свежести горного воздуха, лёгкому бризу с нотками можжевельника. Серёга сел на кровати и опустил босые ноги на тёплый, подогреваемый снизу пол из микроцемента — тактильно приятный, с лёгкой шероховатостью. Кровать, следуя заложенному алгоритму, бесшумно трансформировалась, приподнимая изголовье, чтобы ему было удобнее встать, и слегка подталкивая его вперёд. Окно во всю стену, ещё минуту назад бывшее идеально чёрным благодаря активной поляризационной плёнке, сменило режим на "Прозрачность 80%", и в комнату хлынули потоки яркого, почти осязаемого солнечного света. Москва-Сити, сверкающий лес из стекла, композитных материалов и вертикальных садов, предстала перед ним во всей своей футуристической, почти инопланетной красе.

С высоты сорок пятого этажа город выглядел безупречно спроектированным, живым механизмом. Потоки аэротакси — беспилотных капсул различных форм и расцветок, — похожие на стайки неторопливых, сонных стрекоз, скользили в строго выделенных воздушных коридорах на разных высотных эшелонах, соблюдая невидимую, но нерушимую разметку. Их движение было гипнотически плавным. Внизу, на уровне земли, по многоуровневым магистралям, разделённым на зоны для грузового, пассажирского и личного транспорта, бесшумно текли электромобили всех мастей — от компактных городских "капсул" до представительских седанов с полностью глухими тонированными стёклами. Между транспортными артериями, по выделенным зелёным зонам, уже прогуливались люди, наслаждаясь субботним утром. Архитектура больше не была агрессивной, прямоугольной, давящей; преобладали плавные, бионические, обтекаемые формы, подсмотренные у природы. Фасады небоскрёбов были увиты многоярусными вертикальными садами, с которых каскадами спускались зелёные побеги и яркие цветы. На крышах многих зданий располагались полноценные сады, оранжереи и бассейны. Это был мир, прошедший пик цифровой истерии и вошедший в фазу умиротворённого, зрелого симбиоза с технологией. Эра "Тихого комфорта", как её окрестили футурологи и социологи, изучавшие смену технологических парадигм.

Серёга прошлепал в ванную комнату — пространство, отделанное крупноформатным керамогранитом с рисунком итальянского мрамора, — где зеркало во всю стену поприветствовало его краткой, ненавязчивой информационной сводкой на предстоящий день. Поверх его собственного, слегка помятого отражения, изящным, минималистичным шрифтом всплыли строчки. "Суббота, 15 июня 2030 года. 10:03. За окном +24°C, солнечно, ветер юго-западный, 3 м/с. Качество воздуха: отличное, индекс AQI 12. Уровень УФ-излучения: средний. Рекомендуется лёгкая защита с SPF 30". Ниже располагался его личный календарь, синхронизированный с нейроимплантом и системой "Умный Дом". "11:30 — Встреча с Анной. Локация: кофейня 'Зерно' на Патриарших прудах. Резервирование столика: терраса, место №4. Напоминание: заказать пикник-сет 'Прованс' в сервисе 'ГастроСфера'. Беспилотная доставка к 12:30 в точку randevu у Малой Бронной". Серёга улыбнулся своему отражению, глядя в собствен-

ные, ещё немного заспанные глаза. Аня. Это имя мгновенно разогнало остатки сонного тумана лучше всякого кофеина, лучше любого протокола "Нежного утра".

Он взял зубную щётку — ультразвуковую, с функцией анализа состава слюны и микрофлоры полости рта. Пока он водил ею по зубам, на рукоятке загорелся индикатор, и миниатюрный экран на зеркале выдал рекомендацию: "Уровень pH: норма. Обнаружено незначительное превышение углеводного маркера. Рекомендация: снизить потребление быстрых углеводов в первой половине дня". Он хмыкнул. Вчера они с коллегами отмечали успешный запуск нового модуля, и он позволил себе лишний кусок тирамису в корпоративном кафе. Система не прощала слабостей. Чистя зубы, он мысленно прокручивал предстоящий день, словно смакуя его наперёд. Они договорились поехать за город, в один из многочисленных рекреационных кластеров Новой Москвы, подальше от делового, стерильного ритма стеклянного центра. Аня хотела найти место, где можно устроить пикник на настоящей траве, у настоящего озера, а не у его цифровой имитации, не у голографической проекции, пусть и сверхреалистичной. Она говорила, что хочет слышать живых птиц, а не симуляцию их пения, и чувствовать запах воды, а не её ароматизированный аналог. В ней была эта глубинная, почти атавистическая жажда настоящего, живого контроля, тактильной подлинности, которая так восхищала его и в то же время вызывала лёгкую, смутную тревогу. Она отказывалась от многих удобств, которые он считал неотъемлемой частью жизни. Сам он предпочитал, чтобы машина везла его сама, позволяя в это время работать с интерфейсами в дополненной реальности или просто отдыхать, отключившись от потока данных.

Закончив с гигиеническими процедурами, он открыл панель умного гардероба — встроенную в стену систему с конвейерной подачей одежды. На сенсорном экране высветился набор, сформированный на основе анализа погоды, его планов на день и, что забавно, недавних лайков Ани к его образам в социальной сети "Эхо". Система помнила всё. Светлые льняные брюки свободного кроя, почти невесомые, которые не сковывали движений и "дышали", создавая ощущение прохлады. Рубашка из инновационной ткани песочного цвета — материал с микроскопическими отверстиями, расширяющимися при повышении температуры тела. Удобные, но стильные мокасины из мягчайшей экокожи, спроектированные с учётом анатомии стопы. Система предлагала добавить к образу тонкий серебристый браслет-компаньон, который мог проецировать мини-интерфейс и мониторить его состояние. Серёга мотнул головой, отвергая предложение. Сегодня ему хотелось минимализма, почти аскетизма, хотя бы в одежде. Он быстро оделся, чувствуя, как ткань приятно холодит кожу, как рубашка струится, почти не ощущаясь на теле.

Потом он подошёл к кухонному острову — минималистичной, парящей стойке, выполненной из белого кварцевого агломерата и массива тёмного дерева, подсвеченной снизу мягким светодиодным контуром. Нажатием сенсора на столешнице он заказал себе кофе. Кофемашина — сложный агрегат, занимавший часть шкафа, — утробно заурчала, перемалывая зёрна. За минуту она сварила идеальный раф-кофе по его личному рецепту, который он с помощью Ани калибровал несколько месяцев, добиваясь идеального баланса между горечью эспresso, сладостью сиропа и нежностью вспененных сливок. Взяв тёплую, приятно тяжёлую чашку из костяного фарфора, он переместился в гостиную — самое большое и светлое помещение в квартире, главным украшением которого была панорамная стена с видом на город. Пространство наполнила тихая, ненавязчивая музыка. Алгоритм, проанализировав его утреннее состояние, поставил трек из плейлиста "Для спокойного утра". Сложная, многослойная электроника, плавно перетекающая в эмбиент, с вплетёнными звуками леса и пения птиц, которые были именно реальными записями, а не симуляцией — Аня бы оценила.

Серёга сел в своё любимое кресло — анатомический шедевр, который принял форму его тела с идеальной, молекулярной точностью, обхватив поясницу и шею мягкой, поддерживающей упругостью. Он сделал глоток кофе и жестом руки, отработанным до автоматизма, развернул перед собой большой, полупрозрачный экран домашнего медиацентра. Пора было проверить новостной фон, скорее по глубоко въевшейся профессиональной привычке быть в курсе событий, чем из реального, живого интереса. Новостная лента, управляемая всё той же вездесущей нейросетью, агрегировала заголовки, которые она считала для него релевантными, отсеивая информационный мусор. Параллельно он открыл меню сервиса "ГастроСфера", чтобы заказать корзину для пикника. Пальцы ловко порхали в воздухе, взаимодействуя с голографическими иконками, перелистывая страницы, выбирая опции.

В правой части его поля зрения побежали новости. "Стартап 'Neural Bridge' из Кремниевой долины анонсировал первый коммерческий нейроинтерфейс для прямого обмена эмоциями. Инвесторы в восторге, этики бьют тревогу". Серёга фыркнул, не сдерживая скепсиса. Обмениваться эмоциями напрямую? Он, как специалист, знал, насколько грязен, хаотичен и перегружен шумами необработанный нейросигнал. Эмоция — это не просто точка данных, это самый сложный коктейль из нейромедиаторов, гормонов и электрических паттернов. Без сложнейшей, многоэтапной предобработки передать другому человеку даже простую эмпатическую волну — всё равно что выплеснуть ему в мозг ведро несортированного информационного мусора, вызвав не понимание, а головную боль и отторжение. Пока это был чистый хайп, погоня за инвестициями на красивой идее.

Следующий заголовок: "Евросоюз окончательно утвердил стандарты цифровой идентичности: все биометрические данные граждан переходят под контроль единой блокчейн-платформы 'Aegis'". Тоже ничего нового. Это обсуждали последние лет пять, были и сторонники, и яростные противники, говорившие о цифровом концлагере. Серёга относился к этому нейтрально. Прозрачность данных казалась ему неизбежным этапом эволюции. Заголовки мелькали, не вызывая практически никакого эмоционального отклика, пока один из них, мигнув тревожным оранжевым маркером важности и системным тегом "Внимание: эскалация", не заставил его взгляд буквально застыть.

"Генеральный секретарь ООН призывает к экстренным консультациям в связи с обострением ситуации в Восточно-Европейском регионе".

Он невольно нахмурился и, ведомый скорее раздражением от того, что безмятежность утрачена, чем реальным беспокойством, открыл полный текст. В заметке, снабжённой картой и графиками, говорилось о резком, беспрецедентном наращивании военного контингента "Северо-Атлантическим Альянсом" вблизи границ Евразийского Союза — прямо вдоль линии разграничения, которая последние годы была относительно спокойной. Упоминались какие-то "учения" с кодовым названием "Несокрушимый щит", которые "вышли из-под контроля", инцидент с пересечением воздушной границы в небе над Балтикой, взаимные обвинения в кибератаках на критическую информационную инфраструктуру. Язык статьи был сухим, намеренно канцелярским, лишённым эмоций, но от этого ещё более тревожным — так обычно пишут о вещах, масштаб которых страшно осознать. Серёга машинально скользнул взглядом вниз, в комментарии, которые нейросеть формировала в режиме реального времени, кластеризуя и отражая общий эмоциональный фон аудитории. Это была его привычка — смотреть не на новости, а на реакцию на них.

"Очередная информационная война. Ничего не будет, как в 23-м, все раздуется и лопнет."

"Да кому нужна эта война в 2030? Взаимные экономические санкции разорят обе стороны за неделю. Это самоубийство. Бред сивой кобылы."

"Паника разводится специально, чтобы обрушить фондовые рынки в понедельник. Ждите коррекцию и скупайте активы."

"Скучно. Когда уже новости про колонизацию Марса? А, нет, опять политика и мёртвые динозавры у власти."

"Автор, выключи телевизор. Выйди на улицу, солнце светит, жизнь прекрасна."

Серёга прокрутил ленту ещё немного и медленно выдохнул, чувствуя, как напряжение, только начавшее было формироваться в плечах, отпускает. Комментарии успокаивали, возвращали в зону комфорта. Они идеально отражали то, во что верил он сам, то, что было частью его картины мира, его личной аксиомой. Мир, опутанный невидимыми, но прочнейшими экономическими, цифровыми, энергетическими и логистическими связями, просто не мог позволить себе глобальный конфликт. Это было бы не просто глупо, это было бы коллективным самоубийством цивилизации. Логика глобального капитала, логика тотальной взаимозависимости, которую им вдалбливали в головы с младшей школы на уроках "Глобальной этики", делала войну экономически нецелесообразным анахронизмом, чем-то из тёмных учебников истории XX века. Обострения случались и раньше, с периодичностью раз в несколько лет, словно приступы хронической болезни, которую научились купировать. Они всегда заканчивались закулисными договоренностями, новыми раундами санкций, которые быстро учились обходить через третьи страны, и ритуальными заверениями в приверженности миру. Никто в это не верил. Никто из его окружения, из его цифрового, рационального племени, живущего в мире чистого интеллекта и материального комфорта, не мог воспринять угрозу всерьёз. Война была чем-то иррациональным, варварским, а их мир был построен на абсолютном культе рациональности, эффективности и безопасности.

Он решительно смахнул новостную ленту в сторону, будто физически отодвинул назойливый, липкий предмет. Палец завис над кнопкой "Заказать" в меню "ГастроСферы". Он выбрал набор "Пикник Прованс", внимательно изучив состав. Тарталетки с нежнейшим муссом из авокадо и королевской креветкой. Миниатюрные киши с норвежским лососем и молодым шпинатом, приготовленные из безглютеновой муки (Аня следила за питанием). Свежие ягоды — малина, голубика, ежевика — в элегантной корзинке, сделанной, как было указано, из бельгийского органического шоколада. И бутылка превосходного безалкогольного игристого вина из отборного крымского винограда. Аня не пила алкоголь совсем, принципиально, и он её в этом полностью поддерживал, даже находя в этом особый, осознанный шик. Система подтвердила заказ, издав мелодичный сигнал, сняла средства с его единого цифрового кошелька и сообщила, что дрон-курьер с термоконтейнером доставит корзину точно к 12:30 в указанные геокоординаты — на лужайку у Патриарших, прямо к их любимой скамейке.

Допив кофе и отставив чашку, он почувствовал знакомую, едва уловимую вибрацию на периферии сознания — уведомление от нейроинтерфейса пришло прямо в зрительный нерв, мягкой фосфоресцирующей вспышкой в верхней левой части поля зрения. Сообщение от Ани. Он моргнул особым образом, активируя протокол чтения. Строчки текста развернулись перед внутренним взором.

"Привет, соня. Уже не спишь? Я возле 'Зерна', тут потрясающе пахнет свежей выпечкой. Аромат плывёт на всю улицу, я даже немного пьяна от него. Жду тебя. Платье надела, то самое. :)"

Короткое, тёплое сообщение, написанное с её характерной, чуть старомодной пунктуацией со смайликами, с её манерой создавать маленькую интригу, вызвало у него мгновенный прилив тепла и нежности, растекающийся откуда-то из солнечного сплетения. "То самое" платье. Он знал, о каком идёт речь — лёгком, салатном, с рисунком из полевых цветов, которое безумно шло к её глазам. Он тут же, не задействуя голос, силой мысли активировал набор нейро-гарнитуры и отправил ответный импульс — сложную, кодированную волну, означавшую целый комплекс чувств: "уже еду, предвкушаю встречу, ты прекрасна, я счастлив". Нейросеть-посредник преобразовала его эмоциональную смесь из радости, лёгкого нетерпения, нежности и восторга в простую, но ёмкую фразу, которую увидит Аня: "Выезжаю через 5 минут. Уже соскучился. P.S. Жужа заряжена? Сделай глоток воздуха за меня, пока я не приехал".

Он встал, потянувшись всем телом так, что сладко хрустнули суставы и заныли мышцы, разгоняя кровь. Квартира вокруг него замерла в режиме ожидания, перейдя на экономичный сценарий "Отсутствие", готовая в любой момент, по одному сигналу, вернуться к активной жизни. Этот мир, вылизанный до блеска, предсказуемый, уютный и абсолютно безопасный, был его крепостью, его коконом. И ему предстояло покинуть её, чтобы окунуться в мир настоящий, с запахом разогретого асфальта, смехом Ани, случайными звуками города и ощущением живого, некондиционированного ветра на коже. План был прост и прекрасен в своей незамысловатости: кофе с самой красивой и живой девушкой на планете, затем неспешный путь за город по плавно уходящей вверх эстакаде, прочь от геометрии высоток, и блаженное, ленивое ничегонеделание где-нибудь у воды, в тени старой, кражистой ивы.

Он подошёл к входной двери — массивной, но двигающейся абсолютно бесшумно. Она отъехала в сторону, повинувшись касанию его ладони. Лифт уже ждал его, подсвеченный мягким, зеленоватым светом. Серёга шагнул внутрь, и двери закрылись, мягко отсекая его от стерильного комфорта квартиры. Впереди была суббота. Впереди было свидание. Впереди была целая жизнь, распланированная, понятная, наполненная простыми, осязаемыми радостями.

В голове, пока лифт плавно скользил вниз, отсчитывая этажи, мелькнула непрощенная, шальная мысль, заставив его внутренне поёжиться. Он вспомнил тревожный оранжевый маркер новости и подумал: а что, если мир вокруг — этот город, эти небоскребы, эта спокойная, сырая, расслабленная субботняя Москва — всего лишь карточный домик, построенный на песке коллективного гипноза? Что, если комфорт, пронизавший каждую клетку его тела, каждую мысль, — это лишь тонкая золотая фольга, под которой скрывается всё та же старая, добрая, вечная человеческая глупость, готовность убивать друг друга за абстрактные линии на карте? Ему стало неприятно от этой мысли. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. Это всё нейросети. Слишком много информации за завтраком. Мозгу нужен отдых, цифровой детокс. Сегодня — день тишины, день реальности.

Лифт мягко остановился. Панорамная дверь открылась прямо на подземный парковочный этаж, где царили прохлада и идеальный порядок. Среди множества машин, похожих на отдыхающих спящих футуристических жуков, его ждала Анина "Жужа" — изящный каплевидный электрокар цвета летней морской волны, с панорамной крышей. Серёга улыбнулся, коснувшись ладонью её гладкого, тёплого от ламп освещения бока. Система считала его биометрию, приветливо мигнув фарами и разблокировав дверь, которая поднималась вверх, словно

крыло. Он сел в кокпит, пахнувший новой, чуть терпкой экокожей и — тонко, едва уловимо — Анины духами. Тактильные панели управления мягко засветились под его пальцами, предлагая свои услуги. Умная система навигации, сверившись с городским трафик-центром, предложила три маршрута до Патриарших, оптимизированных по разным параметрам: "Самый быстрый", "Самый живописный" и "С минимальным расходом энергии". Он выбрал самый быстрый, потому что терпение, подогретое предвкушением, было на исходе.

Двигатель не загудел, не завибрировал — машина просто начала бесшумно и плавно парить над полом паркинга, ведомая мощными электромагнитами, выезжая на зеркальный пандус. Ворота с логотипом жилого комплекса открылись, и в салон хлынул настоящий, яркий, почти ослепляющий солнечный свет, заставив его на мгновение зажмуриться и надеть лёгкие фотохромные очки, валявшиеся в подстаканнике. Город встретил его сложносочинённым гулом, смешанным из множества звуков: шороха шин, далёкого, рассыпчатого смеха, шелеста листвы вертикальных садов, гула пролетающих над головой дронов и низкого, вибрирующего гула большого города. Это был не белый шум его квартиры. Это была настоящая, живая, многоголосая симфония жизни, в которую он с радостью влился.

Он активировал ручное управление, положив руки на тёплый, обтянутый перфорированной кожей штурвал. Ему вдруг захотелось почувствовать дорогу самому, вопреки обыкновению. Захотелось ощутить, как машина отзывается на малейшее движение, как она входит в поворот. Желание живого контроля, так свойственное Ане, похоже, было заразным. Машина послушно передала контроль, но осталась наготове, бесшумно страхуя каждое его движение, готовая в любой момент перехватить управление в случае опасности. Серёга вырулил на залитую солнцем, мерцающую бликами улицу, встраиваясь в плотный, но плавный поток. Впереди маячило здание с немыслимыми, плавными очертаниями, похожее на гигантскую морскую раковину или коралловый риф. Новая филармония. Он проезжал мимо, и мысли вновь переключились на предстоящий день, на лицо Ани, которое он увидит через несколько минут. Она наверняка уже выбрала их любимый столик на террасе, под старым платаном, и нетерпеливо поглядывает на экран своего браслета, покусывая губу. В "Зерне" подают фантастический, не сравнимый ни с чем раф с лавандой, и она, зная его почти маниакальную любовь к кофе, наверняка уже заказала ему большую чашку.

Оранжевый маркер тревожной новости ещё пару раз некстати, словно заноза, всплыл в памяти, но он решительно, волевым усилием задавил это воспоминание, стёр его, как стирают пыль с сенсорной панели. Политические игры сильных мира сего не имели к нему, Серёге, ровным счётом никакого отношения. Его битвой была битва за чистоту и эффективность кода, за элегантность архитектуры нейросети, а его мирным договором — улыбка Ани, её смех и ощущение полного, безграничного счастья рядом с ней. Город за окнами машины жил своей тихой, размеренной, субботней жизнью: молодая мама с коляской, напоминающей космический модуль, выгуливающая собаку-робота; старик в элегантном пальто, сосредоточенно читающий что-то с гибкого, свёрнутого в трубочку прозрачного планшета на увитой плющом скамейке; группа подростков, смеющихся над какой-то голограммой, парящей в воздухе. Вот он, настоящий мир. Тактильный, подлинный, живой. И никакой политический кризис не способен его разрушить. В это просто невозможно было поверить. Это было бы дикостью, непредставимым сценарием, ошибкой в матрице реальности.

Серёга слегка прибавил скорость, чувствуя, как лёгкий, послушный электрокар отзывается на его желание, плавно ускоряясь. В зеркале заднего вида Москва-Сити медленно отдалялся, превращаясь в сверкающий, почти нереальный мираж на горизонте. Впереди был ста-

рый, намоленный центр города, старые, извилистые улочки, запах лип и свежемолотого кофе, смех Ани, её светящиеся глаза. Впереди была жизнь, и она была прекрасна в своей осязаемой простоте. Он выкинул из головы всё лишнее, весь информационный шум, и сосредоточился на дороге, на ощущении скорости, ветра из приоткрытого окна и острого, почти физического предвкушения встречи. Навигатор мягко, ненавязчиво скомандовал поворот направо, и "Жужа", шелестя шинами по нагретому, слегка пахнущему летом асфальту, послушно нырнула под густые кроны деревьев старых московских переулков, увозя Серёгу от его высокотехнологичного убежища в сторону простого, ничем не замутнённого человеческого счастья. Сегодня был день, когда ничто не предвещало беды. День, в который новости о войне казались просто шумом из другого, нереального, призрачного измерения, не имеющего силы над их миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.